

УДК 316.3.

*Л.Бевзенко,
доктор социологических наук*

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АКЦЕНТЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОСАМООРГАНИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В статье автор предлагает вариант концептуализации социальной интеграции с помощью понятия социальной энтропии, входящего в арсенал понятий социосамоорганизационного подхода. Это позволяет сделать вывод о наличии трех разных типов социальной интегрированности общества, только один из которых можно считать благоприятным для “устойчивого развития” общества, его движения по пути эволюционных изменений.

В статті автор пропонує варіант концептуалізації соціальної інтеграції за допомогою поняття соціальної ентропії, що входить до арсеналу соціосамоорганізаційних понять. Це дає підстави зробити висновок про наявність трьох різних типів соціальної інтегрованості суспільства, тільки один з яких можна вважати сприятливим для “стійкого розвитку” суспільства, його руху по шляху еволюційних змін.

The author offers a variant of conceptual social integration with the help of the notion of social entropy, which enters into a store of the notions of socio-self-organizational approach. This allows making a conclusion on the availability of three different types of social integration of the society. Only one of them may be considered favorable for sustainable development of the society, its movement along the path of evolutionary changes.

Ключевые слова: социальная интеграция, социальная энтропия, типы социальной интегрированности общества, эволюционное развитие.

Ключові слова: соціальна інтеграція, соціальна ентропія, типи соціальної інтегрованості суспільства, еволюційний розвиток.

Keywords: social integration, social entropy, types of social integration of society, evolutionary development.

Тема социальной интеграции, которая тесно сопряжена с вопросами социальной сплоченности, солидарности, консолидации, с конца прошлого столетия начала обретать все большую актуальность в связи с проблемами современного общества, хотя до недавнего времени это была тема, скорее ассоциирующаяся с обществом традиционным. Причины этого можно увидеть в чисто социальных факторах, таких как фиксируемый рост различного рода неравенств – экономического, социального (статусного), расового, этнического и т.д., что ведет к росту разобщенности и социальной напряженности, приобретающих критический характер. И встает вопрос о консолидации, интеграции как противостоящих этому социальных тенденциях. Но если искать этому не только социальные, но и культурные причины, то их можно усмотреть в тех глубинных культурных трендах, которые порождались базовыми установками культуры Модерна, направленными на индивидуализацию, стремление к индивидуальному успеху, конкурентность [1]. И тогда упомянутая разобщенность может трактоваться еще и как закономерное следствие таких культурных установок. Но это к разговору о том, кто виноват. И о причинах проблем, заставляющих социологов снова заговорить об интеграции и солидарности. И при этом заговорить не в критическом ключе отнесения этих феноменов к неким архаическим социальным формам, а в ключе необходимости осознания их значимости для современных обществ. И вот тут сразу встает много вопросов – как очертить тот круг значимости, который не возвращает в архаику, а способствует разрешению ряда назревших социальных проблем.

Здесь логично вслед за поиском причин всегда идет вопрос, что делать? В практической плоскости это вопрос

о механизмах, технологиях, стратегиях формирования тенденций, противоположных названным, а значит тенденций усиления социальной интеграции, сплоченности, солидарности. А это невозможно без адекватного концептуального наполнения этих понятий, построения моделей, позволяющих выстраивать эти стратегии и технологии и, что особо важно, уметь оценивать все плюсы и минусы таких процессов.

В качестве методологической рамки, с помощью которой я хочу выстроить собственную концептуальную конструкцию, я использую, как всегда, общенаучную нелинейную методологию и ее социологическую адаптацию. Эта методология уже несколько десятилетий пробивает себе путь в социогуманитарное методологическое пространство, хотя эти усилия далеко не всегда успешны. В западной социологии именно эта методологическая установка позволила И.Валлерстайну заговорить о социологии XXI века как основывающейся на ее базе [2]. Имея в своем основании наддисциплинарный нелинейный системный каркас, она в потенциале дает возможность порождения различных, иногда даже противоположных, концептуальных предложений в рамках гуманитарных дисциплин. Концепция Валлерстайна здесь одна из самых известных, но далеко не единственная. Более того, возьму на себя смелость сказать, что интуиция нелинейности социальных процессов явно или неявно лежит в концептуальных предложениях многих классиков современной западной социологии – Н.Лумана, Э.Гидденса, Ф.Фукуямы, П.Бурдьё, П.Штомпки, Дж.Александера, Ж.Бодрийяра. Это не очевидно на первый взгляд, но, образно говоря, “призрак нелинейности” в этих концепциях присутствует, хотя и в разной степени. Происходит это, скорее всего, по причине того, что нарастающие темпы социальных изменений уже не позволяют не замечать эффекты социальной нелинейности, которые раньше вуалировались медленным течением этих процессов. Но это лишь мои гипотезы методологического порядка, которые, возможно, будут в даль-

нейшем проверяться в рамках метатеоретических социологических исследований.

На этом можно было бы и закончить вводные замечания, касающиеся собственно нелинейной методологии, но есть еще один момент, который нельзя оставить в стороне перед тем, как приступить именно к проблеме социальной интеграции. Этот момент выходит за рамки как методологические, так и теоретические, и касается *вопросов этического характера*. Как утверждает один из классиков нелинейного подхода Клаус Майнцер, выбор между линейными и нелинейными моделями, особенно в случае их социальной адаптации, оказывается выбором этическим. “Наши модели сложных, нелинейных и случайных процессов в природе и обществе имеют важные следствия для нашего поведения. В общем случае в сложной нелинейной реальности линейное мышление может быть опасным. В линейной модели считается, что масштаб эффекта пропорционален величине, вызвавшей его причины. Но в ситуации случайности и информационного шума не годится такой вид прогнозов, даже если мы полностью информированы о локальных правилах взаимодействия в сложной системе” [3].

Здесь, по сути, речь идет о двух самых важных эффектах поведения нелинейных систем, способных резко и необратимо менять траекторию движения. Это, во-первых, роль случайных малых воздействий в ситуации высокой социальной неустойчивости. Это то, что в свое время классик революции обозначил как “промедление смерти подобно”. Окно возможностей, которое открывается в ситуации высокой нестабильности нелинейных социальных систем, так же быстро закрывается. И просто промедление в принятии решения оказывается судьбоносным, хотя и поспешное неправильное решение может быть судьбоносным не меньше. Второй момент – это понимание того, что сумма разных воздействий на нелинейную социальную систему не приводит к суммарному же результату. Этот аддитивный эффект сам собой разумелся (что было тео-

ретически оправдано) в случае линейного взгляда, но такой взгляд в нелинейном случае как раз и ведет к ошибкам, о которых говорит Майнцер. Для социальных процессов непонимание этого эффекта действительно может быть очень опасным. Примером здесь может быть интересный этический результат, который приводит в своей работе “Алгебра совести” В.Лефевр. В некотором упрощении он звучит так: два высокоморальных человека могут создать с высокой вероятностью высокоморальную группу. Этого можно ожидать тоже с достаточной мерой вероятности и от группы из трех человек, но вот моральность группы, состоящей из четырех высокоморальных людей, уже гарантировать теоретически нельзя, вероятность этого события резко падает [4]. Нелинейный эффект суммирования человеческих качеств ведет к результату, не отвечающему прогнозу, сделанному на основе линейных представлений. Здесь содержится теоретически обоснованный ответ на так часто удивляющий эффект личностных трансформаций людей, попадающих во власть. До выборов – одни, а после – совсем другие. Множество хороших людей во власти вовсе не обещает хорошую власть.

Еще более жестко высказался в плане этических последствий тех методологических подвижек, которые сейчас наблюдаются в науке, один из российских философов: “Учитывая общую тенденцию движения умов в двадцатом столетии, нетрудно предположить, что новая эпистемология полемически заострена против картезианства и, стало быть, самых глубинных оснований новоевропейской трансценденталистской метафизики и соответствующей ей культуры. Это действительно так, и даже в значительно большей степени, чем можно было бы себе представить априори. Более того, новый подход к познанию сложности превращает картезианскую парадигму в частный и в ряде ситуаций *однозначно деструктивный способ жизнедеятельности*, ведущий к неизбежному коллапсу таких сложных систем, какой является социокультурная целост-

ность” [5]. Проводимая здесь мысль разделяется многими сторонниками нелинейного подхода – речь идет не о рядовой методологии в рамках принципов, установленных классической наукой. С появлением этой методологии меняется сама наука, поскольку здесь неминуемо нарушается ее главный принцип в классическом формате – возможность однозначных предсказаний, основанный на картезианских линейных моделях. А значит, предполагается принципиально иное использование того знания, которое современная наука предлагает в качестве базовых моделей для обращения с различного рода объектами, включая и социальные. Главное здесь – учет вариативности возможных прогнозов. Это особенно важно в случае социокультурных систем, где последствия неучета эффектов нелинейности могут быть катастрофическими. Именно эта эпистемологическая революция позволила говорить о *постнеклассическом этапе развития науки*.

Несколько, возможно, затянутая методологическая часть этой статьи призвана подчеркнуть следующее: нелинейный подход к рассмотрению социальных систем резко меняет многие привычные взгляды на социальные процессы. Проблема социальной интеграции здесь может оказаться одной из ключевых, поскольку именно она, будучи переложенной на язык нелинейных моделей, оказывается тесно связанной с вопросами социальной устойчивости–неустойчивости, вопросами жизнеспособности системы как таковой.

Для решения поставленных вопросов я дальше буду пользоваться собственной самоорганизационной моделью социальных изменений [6], построенной на основании упомянутой выше общей нелинейной методологии. С помощью этих представлений попробую внести некоторые концептуальные акценты в понимание процессов социальной интеграции, предложить возможность их определенной типологизации. И что важно – показать *ценностную нейтральность этого понятия*, выйти на заключение, следующее из нелинейных представлений – интегриро-

ванность и дезинтегрированность (индивидуализированность) могут работать как на развитие (может даже устойчивое, неотклоняющееся от эволюционного пути), так и деградацию социокультурной системы. Все зависит от того, какие *форматы социальной интегрированности* будут в системе присутствовать и доминировать.

Социологические модели, построенные на основании нелинейных подходов, часто называют моделями социальной самоорганизации, поскольку именно эффекты социальной самоорганизации, будучи квинтэссенцией этих моделей, задают то видение социокультурной динамики, которое не просматривалось сквозь призму линейных моделей. Более того, единство организационных и самоорганизационных механизмов, обнаруживаемых в основе такой динамики, в очередной раз подтверждает и обосновывает невозможность рассматривать отдельно социальные и культурные составляющие в процессах социальных изменений. Другой аспект, не менее важный с точки зрения нашей проблемы – обращение к самоорганизационным моделям, открывает перед нами одну важную для современных подходов возможность – рассматривать любую конкретную поставленную задачу с двух позиций – макро- и микро-, человек и система, а отсюда – индивидуализированность и интегрированность. Дело в том, что самоорганизационные модели социального изменения по самой природе своего появления в рамках общих нелинейных подходов имеют интегративный характер, ориентированы на единство этих двух уровней системной реальности, из них легко видно, когда системные эффекты (культура, общество) подавляют индивидуальные (в статистически значимом количестве случаев), а когда наоборот – системность утрачивает свою определяющую силу. Эти модели позволяют посмотреть на социальные процессы как в плане системных рисунков, так и в масштабе перспективы индивидуальных повседневных практик. В нашем случае мы попробуем увидеть в этих *двух перспективах явление социальной интеграции*.

Что можно сказать о явлении социальной интеграции с точки зрения макропроцессов? Самое важное это то,

что конфигурация интегративных социальных процессов тесно – и можно даже сказать взаимоопределяюще – связана с *состояниями социальной стабильности – нестабильности*. Этот на первый взгляд тривиальный факт становится не таким тривиальным, если мы попробуем задаться вопросом оценочного характера – что считать благом для общества – стабильность или нестабильность и, соответственно, является ли благом социальная интегрированность. Под благом в данном случае мы будем понимать все ту же способность к устойчивому эволюционному развитию, к эволюционным изменениям без угрозы катастрофических обрывов. Оказывается, нелинейная теория дает основание для взвешенного ответа – сама по себе интегрированность может работать как во благо, так и наоборот. Все зависит, как всегда, от *меры этой интегрированности*. Вот о мере и следует говорить предметнее.

Я раньше неоднократно пыталась дать типологизацию упомянутых состояний *социальной стабильности – нестабильности*, предлагая рассматривать не два, а три формата таких состояний – собственно стабильность, нестабильность первого и нестабильность второго рода [7]. Эти состояния принципиально различаются своими системными параметрами, что особо важно, прогнозами по части возможности этого самого устойчивого эволюционного развития. И при этом мера и *формат присутствующей в них интегрированности* является одной из определяющих характеристик.

Главным понятием, которое позволяло мне ввести эти разделения стабильных – нестабильных состояний было понятие *социальной энтропии*. Это понятие как нельзя лучше подходит и для тех новых штрихов в концептуализации социальной интеграции, которые мы ищем.

Здесь снова вынуждена позволить себе небольшое методологическое отклонение, чтобы сказать несколько слов о тех дискуссиях, которые ведутся вокруг правомочности использования *понятия энтропии в социологии*. Действительно, в научный обиход оно было введено в научных

сферах, далеких от гуманитарных, касалось вопросов, связанных с термодинамическими процессами (Р.Клаузиус, 1895 г.). Но необходимость того или другого понятия подтверждается или отрицается не столько дискуссиями, сколько актуальными научными практиками. Поскольку вопросы порядка и беспорядка (хаоса) оказываются важными для многих дисциплин, то и обращение к этому понятию стало логичным для физиков и астрономов, биологов и лингвистов, экономистов и политологов. Так как социологам тоже не обойтись без представления о наличии или отсутствии социальной упорядоченности, то и здесь использование представления о социальной энтропии как мере социальной неупорядоченности становится логичным. Хотя, конечно, его внедрение в социологическое понятийное поле идет не без сопротивления, но это является вполне нормальным для понятийных новшеств, особенно в случае их негуманитарного происхождения. С моей точки зрения, социологическая востребованность этого понятия продиктована прежде всего тем, что просто удовлетвориться полярными понятиями порядка и хаоса социологии никак нельзя в силу именно тех неоднозначностей, которые сопровождают представления о стабильности, с одной стороны, и нестабильности – с другой. Что здесь хорошо, а что плохо с точки зрения перспектив социального развития? На этот вопрос нет ответа в терминах порядка или хаоса, но есть ответ в терминах меры порядка (хаоса) – меры социальной негэнтропии (энтропии). Более того, здесь возможны даже условные числовые показатели, позволяющие выстраивать смысловую картину процесса. Есть некий энтропийный диапазон (коридор), в котором только и возможны эволюционные, безкризисные социальные изменения. Об этом поговорим несколько ниже.

Пока вернемся к социальной интеграции. Что нам здесь дает понятие социальной энтропии? Обнаружив связь между этими двумя понятиями – социальной интеграции и социальной энтропии – мы получим возможность

проложить мостик к упомянутым типам социальной стабильности – нестабильности, которые как раз через энтропийные показатели и определяются. А уже это позволит сделать оценочные выводы по поводу того, какая интеграция является оптимальной с точки зрения эволюционных перспектив того или иного общества.

Начнем с определения социальной интеграции, которое может быть соотнесено с понятием социальной энтропии.

Интеграцию в данном случае я бы *определила* как меру связанности членов общества, меру скоррелированности, согласованности их практик. Говорить здесь имеет смысл именно о практиках, как системе устоявшихся привычных, лишь частично отрефлексированных действий. При этом интеграция на уровне слов (деклараций) в качестве предмета исследования вряд ли может представлять практический интерес. Не интересна в данном случае и та скоординированность, которая возникает как результат внешней регуляции, наличия внешнего координатора. Это может быть скорее ситуативным сотрудничеством, а может просто одновременным выполнением команды, что к интеграции отношения не имеет.

Наличие связанности, согласованности практик, в свою очередь, означает наличие определенного социального порядка, наличие структурированности социальных отношений. Если позволить себе говорить о некоей мере интегрированности (допуская, что связанность может быть большей или меньшей), то мы сразу выходим на представление о мере упорядоченности, что и является смысловой квинтэссенцией понятия социальной энтропии, а вернее – негэнтропии (понятие как бы симметричное понятию энтропии и означающее меру порядка, а не меру хаоса). Таким образом, мы можем сказать – чем выше интегрированность того или иного общества (сообщества), тем ниже его энтропийные показатели.

И здесь есть один существенный момент – в рамках самоорганизационных моделей мы должны отказаться от желания рассматривать социальную интеграцию как статиче-

ский факт, а только как факт процессуальный. Иными словами, это то, что существует только на уровне повседневных непрерывно воспроизводящихся взаимодействий. Этот запрет следует прежде всего из теоретических представлений – все самоорганизационные порядки (социальные структуры) всегда процессуальны. А именно эти структуры и дают то, что можно называть реальными самовоспроизводящимися социальными интегрированностями. Ранее малая скорость социальных изменений позволяла не замечать этот факт на эмпирическом уровне. Но это уже невозможно в ситуации нашей, по определению Баумана, “текучей современности”. И тогда интеграция – это по определению процесс.

Но здесь есть одна тонкость, имеющая отношение к связи микро- и макро- уровней интегративных процессов. Процессуальная природа интеграции хорошо заметна на микроуровне, уровне повседневных практик-взаимоотношений. На уровне макроструктур, отдаленного рассмотрения социального ландшафта мы можем видеть достаточно стабильные конфигурации интегрированностей, можем видеть разные их сочетания, но можем наблюдать и быстро сменяющиеся картины возникновения – распада островков интегрированности¹. Все это имеет прямое отношение к нашей задаче – показать, как разные конфигурации интегрированностей влияют на перспективу устойчивого развития, относительно стабильного эволюционного движения общества.

Сначала пропишем некоторые основные характеристики *состояния процесса* интеграции некоего условного общества, используя при этом понятие социальной энтропии. Эти такие характеристики:

---

¹ Здесь необходимо некоторое терминологическое уточнение. Близкие по звучанию и написанию слова “интегрированность” и “интегрированность” носят в данном случае разную смысловую нагрузку. В первом случае это причастие, указывающее на процесс интеграции, а во втором – существительное, обозначающее социальные структуры, островки социальной упорядоченности, возникающие как результат интеграции.

1. *Уровень общей негэнтропии* – мера актуальной интегрированности.

2. *Картина изменения показателя общей интегрированности, конфигурация процесса изменения.* Он может меняться *стремительно* – рост энтропии, кризис, быстрая дезинтеграция или, наоборот, быстрое падение энтропии, быстрая консолидация, рост сплоченности. Этот показатель может меняться *постепенно*, дрейфуя к большему порядку или, наоборот, к большему беспорядку. Может совершать какие-то колебательные движения в рамках определенного диапазона энтропии – диапазона интегрированности.

3. *Распределенность интегрированности (негэнтропии)* по социальному пространству – рельеф социального ландшафта. Это очень важный показатель. Если первый можно было назвать “средней температурой по госпиталю”, второй – динамикой изменения этой температуры, то этот показатель уже позволяет говорить о качестве имеющейся в обществе интегрированности, и о перспективах, при этом открывающихся. Если *распределение равномерное* (относительно, конечно, как и всякий ландшафт), то мы имеем что-то типа равнинного социального пейзажа. Вопрос: это равнина возделанная и ухоженная или запущенная и поросшая бурьяном? Иными словами, имеем равную по всему пространству низкую энтропию (равномерно высокоинтегрированное пространство) или равную высокую энтропию – по сути, распадающееся социальное пространство. Если *распределение неравномерное*, то имеем “горбы и впадины”. Это означает, что есть интегрированные группы – может, гражданские, может, религиозные, криминальные, молодежные. Важно, какой ареал они захватывают, сколько их, насколько они дифференцированы между собой (потенциал слияния или усиления конфронтации). И если обращаться к образным представлениям, то здесь более подходящим будет уже не образ просто ландшафта (устойчивость), а образ подвижного ландшафта, когда какая-то гора (локальный порядок, понижение энтропии)

может опускаться и выравниваться, а на равнине может возникать возвышенность. Оно так и есть в физическом ландшафте, только там это процесс длительный, а на социальном ландшафте более быстрый, а особенно сейчас, когда фиксируется феномен “текучей современности”.

Итак, уровень энтропии, процесс ее изменения и формат распределенности оказываются определяющими для характеристики актуального состояния социального ландшафта. Поскольку выше мы связали негэнтропийные показатели с уровнем интегрированности, то аналогичным образом мы можем сказать – картина интегрированности будет сходной и включать, как варианты, общую высокую интегрированность, общую низкую интегрированность, наличие локальных холмов – локальных интегрированностей.

Что этот перевод с языка интеграции на язык энтропии дает нам в связи с поставленной выше задачей – связать социальную интеграцию с перспективами устойчивой социальной эволюции?

И вот здесь уместно поговорить о тех трех вариантах стабильности – нестабильности, которые мы упомянули выше.

Нелинейная теоретическая рамка требует выделения трех качественно различных состояний – действительно *стабильных, нестабильности первого рода* (которые часто какраз и называют стабильностью) и *нестабильности второго рода*, которая действительно таковой является для любого наблюдателя в силу очевидной кризисности таких состояний. Отличаются эти состояния уровнем социальной энтропии, а значит уровнем социального порядка. А в нашем случае – конфигурацией социальной интегрированности.

Стабильные состояния – это состояния очень низкой энтропии, можно сказать, близкой к нулевой. И, соответственно, это состояния очень высокой социальной упорядоченности. А значит – *очень высокой социальной интегрированности*. Общество живет как один целостный орга-

низм, практики его членов ритмизированы, коррелированы. Несложно узнать здесь признаки традиционного общества, практики членов которого веками регулировались обычаями, ритуалами, мифами. Общий разделяемый всеми миф, коллективные представления, ритуалы, его поддерживающие обеспечивали ту скоординированность практик, которая и делала общество интегрированным, высоко упорядоченным, низкоэнтропийным.

Здесь упомяну еще об одном важном моменте, присутствующем в социосамоорганизационных концептуальных моделях. Он состоит в утверждении – самоорганизационные механизмы социального структурирования – это механизмы, по сути, культурного характера, поскольку опираются на социоструктурирующий потенциал ритуально-мифологического и игрового взаимодействия (игрового в смысле Хейзинги [8], полагавшего, что игра является основным культурообразующим форматом взаимодействия). Кроме традиционного общества, к этому разряду стабильных обществ следует отнести те типы обществ тоталитарных, где еще (уже?) силен базовый миф, лежащий в основе возникновения такого общества. Так, советское общество долгое время можно было считать стабильным и высокоинтегрированным в силу наличия большого количества членов, разделявших тот миф коммунистического рая, на котором это общество конституировалось. Но с точки зрения перспектив устойчивого эволюционного развития такие общества очень уязвимы. Причина теоретически легко объясняется – низкая энтропия лишает систему (в данном случае социальную) того уровня хаоса, инаковости, маргинальности, который в ситуации отсутствия внешних дестабилизирующих вызовов этим обществом отрицается и подавляется, но в ситуации появления таких внешних вызовов становится адаптивным источником. Иными словами, слишком высокая интегрированность хороша только в условиях отсутствия независимых от общества дестабилизирующих факторов, таких, к примеру, как экспансия чуждых культурных поряд-

ков, климатические факторы, природных катаклизмов, эколого-эпидемиологических, разрушающих войн и т.д. По сути, речь идет о закрытом существовании в стабильных внешних условиях. В этом смысле вполне понятно, почему обнаруживаются племена, которые сохраняют тождественность своего жизненного уклада и его мифологическую основу в течение столетий, и на которых не оправдываются формационные модели социальных изменений. Причина – их полная изолированность и стабильность природных условий жизни. Но как только эти племена соприкасаются с внешними цивилизационными вмешательствами – разрушение их внутренней стабильности и интегрированности можно гарантировать.

Если попробовать подкрепить образные представления некоторыми условными цифрами, то эти состояния стабильности могут характеризоваться уровнем энтропии ниже 20%. Иными словами, от самого идеального 100% порядка здесь наблюдаются только малые отклонения не выше 20%. Согласно различным энтропийным теориям [9] этого недостаточно для наличия в обществе высокого адаптивного потенциала.

По мере того, как в силу различных обстоятельств интегрирующая сила первичного единого мифа иссякает, мы можем утверждать – имеет место рост социальной энтропии, что неминуемо ведет к нестабильности. И вот здесь нужно говорить о нестабильности во множественном числе. По отношению к нашей проблеме это *нестабильность первого рода*, которая как раз и открывает возможность эволюционного развития, и *нестабильность второго рода*, которая тоже открывает варианты для серьезных изменений в обществе, но их далеко не всегда можно назвать эволюционными. В том случае, если под последним понимать не только технический, но и гуманитарный прогресс.

Начнем с *нестабильности второго рода и соответствующей ему конфигурации социальной интеграции*. Она как бы полный антипод стабильности. Уровень социальной энтропии здесь высок настолько, что социальный ланд-

шафт представляет собой множество маленьких локальных порядков при практическом отсутствии связей между ними. Иными словами, об интеграции здесь можно говорить только на уровне самых локальных сообществ типа семьи или близких друзей. Показатели, с помощью которых социологи могут замерять такую ситуацию, есть показатели круга доверия, взаимной поддержки, социальной дистанции. Ведь интеграция должна сопровождаться усилением всех этих параметров. Их низкие значения говорят, соответственно, о высокой энтропии общества в целом. Как раз в случае этой нестабильности мы будем эту картину наблюдать. Снова-таки, для наглядности, это можно выразить количественно – уровень энтропии, переходящий показатель 38–40 %, указывает на тот уровень социальной дезинтегрированности, после которого наступает какое-то радикальное, революционное изменение в устройстве такого общества. Это тот уровень разобщенности, а значит и неупорядоченности, несогласованности практик, когда социальная ткань только и ждет малого толчка, чтобы пойти на разрыв. Но что важно – разрыв, ведущий к усилению показателей интеграции в тех частях, что при этом образуются. Альтернативным вариантом выхода из кризиса есть появление основы для новой общей интегрированности, что позволяет избежать разрыва.

Во всем сказанном выше нужно подчеркнуть один очень важный момент – везде речь идет о самоорганизационном уровне рассмотрения социальной системы. Его ни в коем случае нельзя путать с организационным. Последний держится на внешнем принуждении, первый – на внутренней мотивации и интериоризированности норм. При переходе из уровня самоорганизации на уровень организационный обеспечивающие социальный порядок нормы отношений из сферы культуры переходят в сферу социального контроля, и успешное их выполнение гарантируется больше внешним принуждением, а не фактором культурной погруженности человека, освоенности этих норм на уровне того, что Бурдье называл габитусом. Если эти два

типа социального порядка не различать, тоталитарные общества могут показаться однозначно низкоэнтропийными и высокоинтегрированными, но это справедливо только в том случае, если конституирующая их идеология еще работает как мифология, а не выхолощена в инструмент внешнего идеологизированного насилия. В последнем случае видимая упорядоченность общества очень уязвима, чаще всего на самоорганизационном уровне мы там имеем нестабильность второго рода, которая заканчивается масштабными качественными трансформациями в случае малейшего внешнего толчка. В качестве примера можно привести СССР в последние годы его существования. К тому времени утратил силу и истощился пресловутый советский коллективизм, который в первые годы советской власти был действительно живым, был продуктом советского мифа и основой высокого уровня социальной интегрированности. Распад СССР был естественным следствием такого роста энтропии и падения интегративных показателей.

Здесь, собственно, *вывод, касающийся того типа социальной интеграции*, который соответствует *нестабильности второго рода*. В этом случае мы наблюдаем высокую социальную энтропию, множество малых островков социальной интегрированности при общей высокой дезинтегрированности. Такая ситуация практически закрывает перспективы эволюционного развития социальной системы. Наиболее вероятный сценарий – революционные перемены, после чего равновозможными являются несколько сценариев: 1) поглощение данного общества другим с более сильной интегрирующей мифологией, которая не навязывается, а реально принимается членами общества (не важно – социальный или религиозный она при этом носит характер); 2) появление в результате кризисных, а то и революционных событий, собственной новой интегрирующей мифологии, снижающей энтропию данного общества; 3) распад общества на несколько частей, каждая из которых объединяется на основе уже своей

собственной мифологии, позволяющей этим частям обрести в себе новое единство. Все эти процессы мы легко можем наблюдать на примерах всех обществ, проходивших через стадии революционных потрясений. Украина за все годы независимости здесь является ярким примером. Особенно это касается ситуации накануне революционных событий 2013–2014 гг. К началу этих событий уровень общей энтропии и социальной дезинтегрированности был очень высоким, ареалы доверия практически не выходили за круг семьи и близких друзей. И хотя прогнозы большинства экспертов не говорили о возможности начала революционных событий, используемые здесь модели заставляли думать по-другому. Кризис в таких случаях неминуем, что для автора было очевидно еще за два года до его начала [10]. В момент написания этой работы данный кризис, только перешедший первую революционную точку бифуркации, обострился еще и энтропийными вбросами из-за пределов страны. Высокая неустойчивость каждый день меняет меру вероятности для каждого из названных вариантов, но это и есть картина поведения социальной системы в ситуации бифуркации, когда всякая случайность, всякое иногда даже малое внешнее воздействие может столкнуть процесс в ту или другую сторону.

И теперь, наконец, о состоянии *нестабильности первого рода*, которое и позволит судить о тех форматах социальной интеграции, которые позволяют обществу генерировать ресурсы, необходимые для стабильного эволюционного развития. Общий уровень энтропийных показателей (меры интегрированности) в этом случае соответствует энтропийному коридору. Это значит, что общая энтропия находится где-то на уровне 30% с небольшими колебаниями вокруг этого показателя. На уровне повседневных практик это может означать, образно говоря, следующее: из троих людей в нашем окружении мы двоим доверяем, а одному нет. Из трех врачей, к которым мы обратились, результаты лечения нас удовлетворили в двух случаях. Из трех просьб о помощи, направленной нам, мы в двух

случаях готовы были откликнуться. И, наоборот, в трех случаях, когда нам была нужна помощь, в двух нашелся тот, кто нам помог. Таким образом, как видно, не все в таком обществе идеально. Но именно в этом потенциал быстрой перестройки в ситуации внешних вызовов. То, что мы не доверяем всем без исключения, означает, что мы готовы проверять, поддерживаем те внутренние ресурсы, на которые способны в этих случаях опираться. Врач, не вызывающий у нас доверия, может оказаться сторонником методов лечения, не принятых данной медицинской парадигмой, но это не значит, что разрабатываемые им методы не окажутся востребованными снова-таки в ситуации кризисных вызовов. Конечно, эти “двое из троих” не будут появляться случайно, это будет происходить в рамках достаточно устойчивых групп доверия, поддержки, согласия, которые и будут составлять ареалы интегрированности. Именно эта формула “два из троих”, а не “один из троих” позволяет говорить о том, что эти группы интегрированности будут достаточно большими. И не важно, какая будет интегрирующая культурная (самоорганизационная) база – религиозная, профессиональная, этническая, гражданская, клубная или какая-то еще. Важно то, что такой формат социальной интегрированности дает обществу ресурсы (отношений, связей, контактов, доверия, готовности помочь) для эволюционного преодоления возникающих препятствий собственного развития.

Из всего сказанного следует вывод – представление о социальной интеграции, концептуально обогащенное с помощью понятия социальной энтропии, позволяет утверждать – мера социальной интегрированности может выступать одной из основных характеристик общества, позволяющей выстраивать прогнозы о возможной траектории его дальнейшего развития. При этом в зону высокого кризисного риска попадают как высоко-, так и низкоинтегрированные общества. Оптимальной с точки зрения возможности устойчивого эволюционного развития оказывается та мера интегрированности, которая по-

зволяет обществу пребывать в благоприятной с этой точки зрения зоне энтропийного коридора.

Литература

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Зигмунд Бауман. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
2. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Валлерстайн И.; Центр исследований постиндустриального общества. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
3. *Майнцер Клаус.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез (Синергетика: от прошлого к будущему) / Клаус Майнцер. – М. : Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. – С. 422–423.
4. *Лефевр В.А.* Алгебра совести / Владимир Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. — 426 с.
5. *Пигалев А.И.* Бог и обратная связь в сетевой парадигме Грегори Бейтсона / А.И. Пигалев // Вопросы философии. – 2004. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : cat4chat.narod.ru/pigalev.htm
6. *Бевзенко Л.Д.* Социальная самоорганизация Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций / Бевзенко Л.Д. – К. : Ин-т социологии НАНУ, 2002. – 437 с.
7. *Бевзенко Л.* Культурна регуляція соціальної поведінки в ситуації нестабільності: теоретична концептуалізація та емпірична констатація на прикладі практик успіху / Любов Бевзенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2012. – №2. – С. 90–120.
8. *Хейзинга Й.* Homo Ludens : статьи по истории культуры / Хейзинга Й. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
9. См. например: *Седов Е.А.* Одна формула и весь мир / Седов Е. – М. : Знание, Наука и прогресс, 1982 ; *Седов Е.А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е.А.Седов// Общественные науки и современность. – 1993. – №5. – С. 92–101; *Давыдов А.А.* Существует ли мера социальной гармонии? / А. Давыдов// Социологические исследования. – 1988. – №5. – С. 72–74.
10. *Бевзенко Л.* Страна: вид из окна / Любовь Бевзенко// Зеркало недели. Украина. – 2011. – 9–16 декабря.